

Игнатьева Евгения Андреевна

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И СОЦИУМА В СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1929 – 1930-Й ГГ.)**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск
2026

Работа выполнена
в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки
Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор
Сергей Александрович Красильников

Официальные оппоненты:

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, начальник сектора изучения Гражданской войны, Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Защита состоится 28 сентября 2026 г. в 11 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.1.067.02, созданного при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН) по адресу: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, каб. 300.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН и на сайте Института истории СО РАН (<http://history.nsc.ru>).

Автореферат разослан « __ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

О.Н. Полянская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С академической точки зрения актуальность обусловлена необходимостью переосмысления с позиций современного научного знания ключевой идеологии сталинской эпохи о характере событий в стране изучаемого периода как «революции сверху»: предлагаемый в диссертации подход с применением концепции радикальной этатизации позволяет по-новому проанализировать трансформацию взаимоотношений власти и социума на сибирском материале. Социальная актуальность связана с устойчивым присутствием в современном общественном сознании пространстве образов и практик сталинской эпохи, где последним даются крайне неоднозначные трактовки, включая их апологетику.

Характеризуя сущность преобразований конца 1920-х – начала 1930-х гг., современные исследователи нередко используют либо понятийные категории самой эпохи («Великий перелом», «социалистическая реконструкция», «культурная революция»), либо обращаются к категориям модернизационной парадигмы. При этом отдельные характеристики последней могут восходить к трактовкам, характерным для советской историографии сталинского времени (индустриальный рывок, форсированный и мобилизационный характер преобразований и т. д.) Подобная терминологическая неопределенность порождает длительные дискуссии и актуализирует дальнейший научный поиск в отмеченной предметной области.

Степень изученности темы. В историографии 1920–1950-х гг. утвердился подход, основанный на догматике «Краткого курса истории ВКП (б)», представлявшей «революцию сверху» как успешную «социалистическую реконструкцию общества» и оправдывавшей массовые репрессии «классовой борьбой». Впрочем, даже официальный нарратив, конструирующий реальность с властных позиций, не мог исключить вовсе внутрипартийные дискуссии, отражавшиеся в открытой печати того времени¹. Критическая рефлексия проблемы содержалась в работах Б.Д. Бруцкуса, Л.Д. Троцкого, опубликованных за рубежом в 1930-е гг. и переизданных после 1991 г.² Применительно к Сибирскому краю утверждалась цивилизующая роль советской власти. Прошлое Сибири оценивалось как колониальное.

Исследования 1960-х – середины 1980-х гг. совмещали в себе две разнонаправленные тенденции. Для работ части историков характерен импульс, заданный эпохой «оттепели». Несмотря на положительную оценку политики и итогов индустриализации и коллективизации, в них содержалась фиксация «перегибов» и ряда негативных сторон указанных преобразований.

¹ См. публичные статьи и выступления Н.И. Бухарина в 1928–1929 гг.: *Бухарин Н.И.* Заметки экономиста: к началу нового хозяйственного года. М.; Л., 1928; *Он же.* Политическое завещание Ленина. М., 1929.

² *Бруцкус Б.* Советская Россия и социализм. Статьи. СПб., 1995; *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. М., 2024.

Другая тенденция проявлялась в частичной ресталинизации³. Приводимые в такого рода работах материалы официального происхождения исключали их критику, носили иллюстративный и апологетический характер⁴.

Для региональной историографии характерны отмеченные выше тенденции. Расширялась эмпирическая база по истории коллективизации, активно изучались процессы индустриализации региона⁵, социально-демографические процессы⁶. Был издан фундаментальный труд по истории Сибири, в котором период «Великого перелома» освещался в традиционной для советской историографии парадигме⁷.

К исследуемым вопросам обращались выходцы из России / СССР / стран социалистического блока⁸. При анализе «социалистических преобразований» авторы отмечали процессы этатизации, усиления партийного государства, «закрытие» корпорации управленцев. Джилас и Восленский связывали этатизацию с переходом управления госсобственностью к партийной верхушке. При этом сама концепция, будучи политизированной, оценивается неоднозначно, но отражает взгляды советологии того периода.

В перестроечный период (конец 1980-х – 1991 г.) официальные оценки сталинской эпохи подверглись критическому пересмотру⁹. Осуществлялась реабилитация оппозиционных лидеров, шли научные дискуссии о причинах слома НЭПа, о «чрезвычайщине»¹⁰. Эти тенденции были также присущи региональной историографии¹¹. Происходило расширение источниковой базы, стал возможным идейный и методологический плюрализм. В то же время для исследований перестроечного периода характерно появление историко-публицистических работ с присущей им тенденциозностью.

³ Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975.; Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. (1929–1932 гг.). М., 1972.

⁴ Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. М., 1979–1980.

⁵ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973; Алексеев В.В. Электрификация Сибири: историческое исследование. Ч. 1: 1885–1950 гг. Новосибирск, 1973.

⁶ Московский А.С., Исунов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.

⁷ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968–1969. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма / Авт. И.М. Разгон, В.С. Познанский, Д.М. Зольников и др. 1968.

⁸ Ноув А. Экономическая стратегия коммунизма. Рост и возможности Советского Союза. М., 1960; Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; Авторханов А. Технология власти. Франкфурт, 1976; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Геллер М., Некрич А. Утопия у власти = Utopiia u vlasti: История Совет. Союза с 1917 г. до наших дней. London, 1982. Vol. 1.

⁹ Осмыслить культ Сталина: сб. ст. / ред.-сост. Х. Кобо. М., 1989.

¹⁰ Историки спорят. 13 бесед / под общ. ред. В.С. Лельчука. М., 1989.

¹¹ См.: «Великий перелом» в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) // Известия СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск, 1989. Вып. 1. С. 3–36.

В постсоветский период расширились направления исследовательской деятельности, стала возможной работа совместно с зарубежными коллегами. Продолжали свои исследования авторы, начавшие разрабатывать тематику еще в советское время¹². Получил развитие комплексный анализ коллективизации как катастрофического, проходившего стихийно и опиравшегося на ограниченную и манипулируемую социальную базу при решающей роли репрессивно-бюрократического аппарата¹³. Появились исследования, доказывающие потенциал НЭПа как основы индустриального проекта СССР и политическую детерминированность его отмены¹⁴. Получил широкое распространение модернизационный подход¹⁵. Феномен радикальной этатизации экономики и основ социальной жизнедеятельности раннесоветского общества нашел свое концептуальное осмысление в ряде работ известных социологов и экономистов¹⁶. Появились исследования в области истории восприятия и рефлексии современниками процесса радикальных социальных сдвигов в обществе, поведенческих стратегий и практик различных слоев и групп в экстремальных условиях¹⁷. Исследователи активно обращались к социально-психологическим и социокультурным аспектам трансформации массового сознания групп раннесоветского социума¹⁸. В историографии утвердился вектор, рассматривающий сталинизм как мобилизационную систему, которая обеспечивала контроль над обществом через чрезвычайные практики, негативную консолидацию и консервацию архаических институтов¹⁹. Авторы давали оценки места и роли «чрезвычайщины»²⁰ в исследуемых событиях. Важны попытки осмысления советского этатистского проекта через призму теории общественного договора²¹. Большое внимание уделяется изучению механизмов принятия и реализации решений, институциональному анализу становления сталинского режима²².

¹² *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1994.; *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «Великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты / Ин-т рос. истории РАН. М., 2006; и др.

¹³ *Кондрашин В.В.* Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М., 2024.

¹⁴ *Фельдман М.А.* Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта // ЭКО. 2021. № 3 (561). С. 59–80.

¹⁵ *Сеняевский А.С.* Социальная динамика России в XX веке // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. Ю.А. Полякова / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2001. С. 283–297; *Дудник С.И.* Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. С. 394–405. Т. 35. Вып. 3; и др.

¹⁶ Смешанное общество: Российский вариант / отв. ред. Л.В. Никифоров. М., 1999; *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.

¹⁷ *Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009.

¹⁸ *Арнаутков Н.Б.* Образ врага народа в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 г.). Новосибирск, 2012.

¹⁹ *Фонотов А.Г.* Россия от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

²⁰ *Бордюгов Г.А.* Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2011. № 2. С. 62–72.

²¹ *Тощенко Ж.Т.* Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М., 2025.

²² *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015.

В региональных исследованиях постсоветского периода авторы изучали переход к радикальным методам аграрной политики²³, механизмы репрессивной политики по отношению к крестьянству²⁴. Исследователи обратились к социально-психологическим аспектам трансформации деревни²⁵, положению городских слоев в эпоху «Великого перелома»²⁶. Публикуются документальные сборники, отражающие проблематику политики радикальной этатизации сибирской деревни²⁷. Историки активно изучали деятельность региональных спецслужб и их роль в процессе трансформации всей общественно-политической системы в исследуемый период²⁸.

В зарубежной историографии исследователи изучают восприятие индоктринируемых властью ценностей, поведенческие практики, повседневность, экономику «революции сверху», проблемы политического управления, политики коллективизации и ее последствий²⁹. Дискуссионными для зарубежных коллег остаются вопросы идентичности, природы конформизма и лояльности³⁰, а также системы институционального надзора и контроля³¹. Концепция «множественной модерности» трактует советский опыт как «несостоявшуюся модерность»³².

Таким образом, события рубежа 1920–1930-х гг. остаются в фокусе современной историографии. Множественность подходов говорит о незавершенности концептуального синтеза, что открывает пространство для новых

²³ Хлебный фронт Сибири в 1930-е гг. Районные сводки: сб. документов / отв. ред. В.А. Ильиных, Д.Г. Симонов. Новосибирск, 2021.

²⁴ Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996; Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

²⁵ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск, 2001.

²⁶ Исаев В.И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 47–55. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-04.pdf>; Фельдман М.А. Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений. Екатеринбург, 2022.

²⁷ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянских хозяйств. 1930–1940 гг.: сб. док-тов / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2000; Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: сборник документов / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2009.

²⁸ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008; Исаев В.И., Михеев Д.Ю., Угроватов А.П. Между политикой и правом: суды в Сибири в 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2014.

²⁹ Viola L. Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance. New York, 1996; Merl S. Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953) // The Russian Peasant Studies. 2025. Vol. 10, № 2. P. 6–36.

³⁰ Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994; Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York, 1999.

³¹ Холквист П. «Осведомление – это Альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская рустика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 45–93.

³² Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020. С. 27.

решений. Предлагаемое исследование опирается на разработки в сферах истории, социологии, политологии, что позволяет глубже понять процессы и события, происходившие в сибирском регионе в изучаемый период.

Объектом исследования выступает комплекс взаимоотношений институтов власти и управления с социальными группами сибирского социума на рубеже 1920–1930-х гг.

Предметом исследования является радикальная трансформация взаимоотношений партийно-государственных институтов с группами сибирского социума в интересах установления максимально достижимого управления и контроля над основными сферами жизнедеятельности социума и реакция последнего на действия властных структур.

Цель: выявить факторы и модели трансформации взаимоотношений власти и социума в Сибири в условиях радикальной трансформации (вторая половина 1929 – 1930 г.).

Задачи исследования:

- *установить* цель, задачи, специфику «социалистических» преобразований в стране и регионе на рубеже 1920–1930-х гг.;
- *обосновать* применимость концепции радикальной этатизации основ жизнедеятельности раннесоветского социума к исследуемому периоду;
- *определить* направления трансформации региональных институтов власти и управления (в их иерархии – от низовых до краевого уровня) в ходе обеспечения ими программы «социалистических» преобразований;
- *проследить* стратегии и специфику социального поведения различных слоев и групп регионального социума в ответ на «вызовы» радикальных преобразований «сверху»;
- *охарактеризовать* кратковременные последствия радикальной трансформации взаимодействий властных институтов и сибирского социума в исследуемый период.

Хронологические рамки исследования – вторая половина 1929 г. – конец 1930 г. Нижняя граница – переход отношений власти и крестьянства в радикальную фазу вокруг борьбы за ресурсы сельскохозяйственного производства («борьба за хлеб»). Летом – осенью 1929 г. власть форсировала применение внеэкономических методов в отношениях с крестьянством: доведение планов госзаданий до каждого селения и дворов в нем, кратные штрафы за их невыполнение с конфискацией имущества и высылкой глав хозяйств, значительное расширение функций ОГПУ по осуществлению внесудебных репрессий вплоть до расстрела, наращивание интенсивности партийных мобилизаций. Верхняя граница обусловлена корректировкой первоначально жесткой стратегии преобразований, значительным снижением интенсивности как карательной политики в деревне, так и крестьянского активного и пассивного сопротивления форсированному огосударствлению аграрного производства. В городах ликвидированы институциональные основы частнохозяйственной деятельности. Для понимания генезиса и последствий данных процессов в работе рассмотрены также события второй половины 1920-х гг. и 1931 г.

Территориальные рамки: Сибирский край (до июня 1930 г.), затем – Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. Сибирь в юго-западной ее части являлась одной из важнейших житниц страны с относительно зажиточным крестьянством. Обширные ненаселенные и труднодоступные территории Сибири рассматривались центром как одни из основных мест для дислокации крупных спецпоселений. Территория Сибирского края должна была стать одной из локаций развертывания новых индустриальных центров страны. Удаленность, масштаб, социально-экономическое разнообразие региона, роль и место последнего в общем контексте социально-экономических преобразований в стране потребовали применения радикальных методов для установления контроля над территорией и ее населением.

Методология и методы. Исследование базируется на междисциплинарном синтезе подходов истории, социологии и политологии. На *макроуровне* ключевой является концепция социального действия М. Вебера, трактующая радикальную этатизацию как целенаправленный комплекс поступков³³. Для анализа власти как технологии подчинения и социальной инженерии привлекается идея дисциплинарной власти М. Фуко (надзор, нормализация, классификация)³⁴. Процесс взаимной радикализации участников исследуется на основе концепции Алекса Шмида³⁵. Исследователь дает определение феномена радикализации, предлагает способы измерения последнего, указывает причины и следствия данного процесса для социума, вводит деление акторов на действующих как «снизу», так и «сверху», фиксирует различные уровни проявления изучаемого феномена.

Мезоуровень исследования ориентирован на институты и социальные группы. Используется исторический институционализм (траектории зависимости, критические точки), объясняющий в том числе устойчивость проявления дисфункций в деятельности партийно-государственных структур в Сибирском крае³⁶. Модель непреднамеренных последствий Р.К. Мертон показывает, что этатистский проект обернулся кризисом легитимности и подрывом аграрного сектора³⁷. Инструментальность конфликтов для укрепления власти фиксируется концепцией Л. Козера³⁸. Дополнительный ракурс задает модель тотальной социальной мобилизации (огосударствление через идеологию, принуждение и террор)³⁹.

³³ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990. С. 603.

³⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

³⁵ Schmid A.P. “Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review”, The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague 4, no. 2 (2013). DOI: 10.19165/2013.1.02.

³⁶ Thelen K., Steinmo S. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis / Ed. by S. Steinmo, K. Thelen, F. Longstreth. Cambridge, 1992. P. 1–32.

³⁷ Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

³⁸ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 97.

³⁹ См. обзор теории и историографии проблемы: Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск, 2013. С. 9–22, 34–41.

На микроуровне анализируются мотивы, стратегии выживания и трансформации индивида. Анализ через призму аномии позволяет зафиксировать, что этатизация была не только политическим или экономическим процессом, но и сопровождалась глубинным антропологическим сдвигом. Концепция аномии (Э. Дюркгейм – распад норм; Р.К. Мертон – разрыв целей и средств)⁴⁰ демонстрирует адаптационные стратегии в условиях институционального распада и разрыва социальных связей. На фоне высокого недоверия аномия выступает необходимым условием этатизации. Политическое отчуждение (интерпретация Н.В. Шихардиным наследия А. Лефевра⁴¹) показывает превращение индивида в пассивный объект управления. В сочетании с аномией это раскрывает механизм «раздвоенного сознания» (внешний конформизм + внутренняя пассивность), обеспечивавшего устойчивость системы.

Исследование опирается на принцип историзма и принцип системности. Используемые в исследовании методы представлены общенаучными (классификации, типологизации и пр.), специально-историческими (историко-сравнительный, историко-генетический и пр.) и междисциплинарными. Из междисциплинарных методов в данной работе применяется метод дискурс-анализа. Для установления характеристик поведения групп и слоев населения, оценки взаимодействия институтов власти и социума применяются методы социальной конфликтологии. При анализе сферы повседневности используется метод конкретных ситуаций (case study). Во всех случаях предусматривалась адаптация перечисленных методов к поставленным в работе цели и задачам.

Источниковая база. Основной корпус источников сформирован путем выявления и отбора документов и материалов в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), научной библиотеки ГАРФ (НБ ГАРФ), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), Государственного архива Томской области (ГАТО), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), Российской государственной библиотеки (РГБ), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Центра документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИ ИО). Использованы различные виды письменных источников.

Законодательно-нормативные источники. В этих источниках отображены нормативные рамки этатизации раннесоветского социума (Конституции СССР и РСФСР, Гражданский, Уголовный, Трудовой кодексы РСФСР, законодательные акты ЦИК СССР и ВЦИК, постановления СНК СССР, СНК РСФСР и Сибирского краевого исполнительного комитета (СКИКа)). К особому типу отнесены постановления и распоряжения ЦК ВКП(б) и его Политбюро, а также постановления Краевого комитета партии. Партийные решения, включая резолюции партийных съездов, конференций и пленумов ЦК, обладали характером обяза-

⁴⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996; Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313.

⁴¹ Шихардин Н.В. Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник НГУ. Сер.: Филология. 2008. Т. 6, № 3. С. 166–171.

тельности к исполнению всеми институтами власти, лежали в основе практической деятельности государства.

Делопроизводственная документация партийных, государственных, общественных органов и учреждений, отражала практическую реализацию законодательно-нормативных актов на практике. В работе выявлен и проанализирован разнообразный корпус документов: стенограммы партийных и советских съездов и региональных конференций; инструкции; информационные сводки/отчеты партийных и советских учреждений; информационные отчеты и специальные сводки органов ОГПУ – центрального аппарата и его полномочного представительства в Сибири; протоколы заседаний, стенограммы совещаний краевых, окружных и районных органов Сибирского края; делопроизводство прокуратуры, суда и других административных органов, прежде всего краевого уровня; протоколы заседаний низовых организаций.

В работе использованы *статистические источники*: на общесоюзном уровне – материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁴² и опубликованный ЦСУ статсборник о населении СССР⁴³, на региональном – «Статистический справочник» по Сибири 1930 г.⁴⁴

Важным источником для рассмотрения механизмов коммуникации институтов власти с населением региона являются публикации в *периодической печати* (выпуски за 1929–1930 гг. ежедневной газеты Сибкрайкома и Сибкрайисполкома «Советская Сибирь»).

Для проведенного исследования важное значение имеет особый комплекс документальных и нарративных источников, оформленных в качестве машинописных копий делопроизводства ПП ОГПУ – приложений в перепечатанном виде к информационным сводкам: анонимные послания, воззвания, листовки и иные, направленные к различным адресатам обращения, как «во власть», так и своим согражданам. Сюда же относятся источники, зафиксировавшие образцы фольклора, в которых отражена окружающая их создателей экстремальная реальность.

Таким образом, источниковая база исследования достаточно репрезентативна: информация из письменных источников отражает как действия властной вертикали, так и реакции сибирского социума на политику «сверху», что позволяет решать поставленные цель и задачи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Применительно к определению сущности преобразований на рубеже 1920–1930-х гг., названных в «Кратком курсе истории ВКП (б)» «революцией сверху» в советской деревне, представляется обоснованным говорить о процессе форсированного огосударствления, который не ограничивался аграрной эконо-

⁴² Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. 10 т. Вып. 3: Население СССР. 1927; Вып.: 10. Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. 1929; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929.

⁴³ Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сб. М., 1975.

⁴⁴ Сибирский край: стат. спр. Новосибирск, 1930.

микой и крестьянством, но затронул также городское население, приняв широко-масштабный и радикальный характер.

2. Процесс ускоренного огосударствления реализовывался через политико-управленческие действия комплексно. В *политической сфере* – через ликвидацию оппозиции и создание жесткой вертикали власти, исключавшей местный плюрализм. В *экономической сфере* – через монополию госсобственности, что ставило население в полную зависимость от государства, превращая экономику в инструмент унификации, подчинения и социальной инженерии (перераспределение ресурсов, иерархия по уровню лояльности). В *социоструктурной сфере* – через уничтожение одних групп и насильственную трансформацию основ жизнедеятельности других. В *социально-психологической сфере* – через манипуляцию общественным сознанием, разрушение горизонтальных социальных связей, культивирование образа партийного государства как единственного гаранта жизни и существования каждого индивида.

3. Насилие, принуждение, социальные мобилизации из ситуативного способа решения и преодоления возникших кризисных ситуаций превращались в необходимую сущностную характеристику системы власти, находившую выражение в устойчивом воспроизводстве «чрезвычайщины». Это было актуально и для Сибирского края с его специфической социальной структурой и слабостью низовых органов управления. Здесь партийно-государственные структуры столкнулись с острыми формами протестного поведения прежде всего значительных групп крестьянства (зажиточная и середняцкая части деревни).

4. В Сибирском регионе этатизация основ городской жизнедеятельности протекала не столь форсированно, чем в деревне, осуществляясь, прежде всего, на протяжении второй половины 1920-х гг. через поэтапное вытеснение и ликвидацию частнохозяйственных укладов и монополизацию торговли. Город находился на более высоком уровне государственного управления и контроля над поведением его жителей. Это обусловило необходимую для власти степень подчинения и атомизации социума и исключало какие-либо возможности противодействия ужесточению форм государственного регулирования социальной повседневности горожан.

5. В Сибири конфликт принял острые формы из-за зажиточности крестьянства, слабости местной власти и игнорирования региональной специфики центром. Раскрестьянивание в этот период включало кардинальные изменения экономических, социальных, демографических, культурных и психологических характеристик крестьянства; его основой стала ликвидация единоличного (семейного) хозяйства. Этот процесс выражался не только в трансформации социальной структуры и психологического облика (утрата связи с землей, деформация института семьи), но и принимал экстремальные формы (репрессии, массовое бегство, самоликвидация хозяйств).

6. Насилие со стороны власти вызывало реакцию – крестьянское сопротивление в различных формах. Низовой протест сибирского крестьянства в рассматриваемый период демонстрировал массу способов открытого и

скрытого противодействия как агентам власти, так и сельским активистам, имел своих разнообразных акторов, однако проявление общекрестьянской солидарности носило ситуативный и неустойчивый характер.

7. Радикализм как практика осуществленного в стране крупномасштабного конфликтного социального действия содержал в себе чрезвычайно деструктивный и саморазрушительный для всех сторон конфликтов характер. В долгосрочной перспективе он привел к формированию диспропорций в структуре национального хозяйства страны, углублению разрыва между городом и деревней, деформации трудовой мотивации. Изъятие активного экономического слоя сибирского крестьянства и формирование колхозной системы подорвало потенциал развития аграрного сектора на десятилетия вперед.

Новизна исследования заключается в переосмыслении феномена «Великого перелома» на сибирском материале в логике радикальной трансформации взаимодействия «власть–социум». Выполнен комплексный анализ возможностей и ограничений политики партийного государства, взаимовлияния государственного насилия, низовых протестов и адаптационных практик населения. Адаптировать ряд положений социологических и политологических концепций. Впервые на региональном материале изучены функции и деятельность различных категорий уполномоченных власти в деревне, феномен женского протестного активизма («бабьи бунты»), характер и масштабы кампании «борьбы с перегибами» в Сибири весной 1930 г., восприятие радикальной этатизации на низовом уровне группами сибирского социума.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении концептуального аппарата исторической науки: на основе интеграции методов истории, социологии и политологии предложена авторская трактовка концепции радикальной этатизации основ жизнедеятельности раннесоветского социума. Практическая значимость состоит в возможности применения выводов исследования в учебных курсах по отечественной истории, а также в экспертно-аналитической работе при репрезентации исторических событий исследуемого периода в архивной и музейной практике.

Достоверность результатов обеспечивается репрезентативностью и разнообразием источников, методами обработки и анализа извлеченной из них информации, корректным применением теоретико-методологических подходов и концепций, а также соотносением полученных выводов с результатами предшествующих исследований. Полученные результаты прошли **апробацию** в 16 опубликованных научных работах, в том числе 6 статьях в журналах из перечня ВАК (из них 5 – по специальности «Отечественная история») и вкладах, представленных на девяти Всероссийских и региональных научных конференциях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации: вводная часть, четыре главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Во введении сформулирована постановка проблемы, ее актуальность, выполнен историографический обзор, сформулированы объект, предмет, цель и задачи, определены хронологические и территориальные рамки исследования, методологические основы и методы, источниковая база работы, зафиксированы положения, выносимые на защиту, подтверждена апробация диссертационной работы.

Первая глава «Проект радикальной этатизации советского социума в конце 1920-х – начале 1930-х гг. как исследовательская проблема» посвящена обоснованию концептуальной составляющей предложенной автором исследовательской программы.

В первом параграфе *«Цель, средства, институциональные механизмы радикальной этатизации социума»* проанализировано фактическое наполнение идеологии «революции сверху», зафиксированы конкретные мероприятия и политические решения большевиков, показатели преобразований аграрного сектора, нормативные и институциональные трансформации, инициируемые с целью форсирования этатизации социума. Представлены дискуссии в партийном руководстве, определена роль Сибири как ресурсной базы «социалистических преобразований». Особое внимание уделено центр-региональным отношениям: централизация управления исключала несогласованные инициативы регионов. Директивные указания подкреплялись контролем со стороны направляемых в крупные регионы представителей высшего руководства страны. Перекаldывание вины за просчеты на региональные структуры – характерная черта большевистской системы.

Во втором параграфе *«Реализация “революции сверху”: архаическое исполнение модернистского проекта»* критически анализируется модернизационная парадигма применительно к преобразованиям конца 1920-х – начала 1930-х гг. Показано, что «революция сверху» не сводится к форсированной экономической модернизации, а представляет собой идеологический проект, основанный на отказе от развития негосударственных хозяйственных укладов, политико-экономической автаркии и жестком централизованном руководстве страной. Кроме того, выявлены внутренние «ловушки» этого «рывка», ведущие к непреднамеренным последствиям в ходе его реализации. В качестве альтернативы предложена концепция радикальной этатизации раннесоветского социума, в основе которой – стремление власти сделать социум управляемым через ликвидацию рынка, плюрализма и экономически самостоятельных слоев средствами социальной инженерии. Концепция этатизации показывает, что путь радикальных преобразований был выбором большевиков для укрепления собственной власти. Вариант радикальных преобразований приобрел ярко выраженную архаическую сущность (внеэкономическое принуждение, трудовая повинность, прикрепление к месту жительства и производственной сфере,

коллективная ответственность, патернализм, корпоративные привилегии, культ вождя, «чистки», бинарные оппозиции «свой – чужой», внесудебные практики и пр.).

В третьем параграфе *«Социальное измерение этатизации: эскалация напряженности и радикализация общественных отношений»* адаптированы к исследованию понятия «социальная напряженность», «конфликтность» и «радикализация». Одним из ключевых факторов, обусловивших переход к радикализму в политической практике большевиков, стал кризис легитимности, доверия к власти в конце 1920-х гг. Политический радикализм выступал способом трансформации системы власти, самосохранения в кризисных условиях. Политика радикализма, реализуемая государством «сверху», породила ответную радикализацию социальных действий «снизу» прежде всего в деревне. Этот взаимный радикализм порождал новое еще более масштабное насилие «сверху». В то же время, даже будучи подавленными, конфликты представляли угрозу для обеспечения властного контроля над обществом. Тем самым процессы эскалации социальной напряженности, конфликтности и экстремальные способы их разрешения становились нормативными функциональными инструментами этатизации.

Во второй главе «Институты и акторы региональной власти в условиях осуществления радикальной этатизации» уделено внимание политическим акторам, реализующим директивные установки руководства страны. Проведен институциональный анализ регионального уровня вертикали власти в Сибири в указанный период с акцентом на динамике деятельности ключевых институтов власти и управления: партийные, советские и хозяйственные органы, охранительные структуры.

В первом параграфе *«Трансформации институтов власти: новые роли, функции и практики»* анализируется нелинейный процесс этатизации властных структур, сопровождавшийся их внутренней конкуренцией за ресурсы. Партийная организация Сибири выросла (с 52,4 тыс. в 1925 г. до 93,2 тыс. в начале 1929 г.), но оставалась относительно малочисленной; доля крестьян в ее составе снизилась с 43,4 до 36,8 %, что требовало кадровых мобилизаций городских рабочих и коммунистов в сельскую местность, обостряя противоречия между городом и деревней. Трансформация функций правоохранительных органов, особенно ОГПУ, демонстрировала радикализацию карательных мер (расширение внесудебных полномочий). Выполнение нередко противоречивых директив «сверху» вело к дезорганизации низовых и средних уровней власти, затрагивая и региональные структуры (попытка смещения Р.И. Эйхе летом 1930 г.).

«Генеральная чистка» аппарата управления Сибкрая (с середины 1929 г.) охватила 93,5 тыс. служащих; 12,5 % из них были уволены. Кампания, декларирующая «оздоровление» через оценку качества, на практике привела к замещению старых кадров «выдвиженцами» по социальному происхождению и лояльности, что дестабилизировало управление и закрепило зависимость номенклатуры от режима.

Во втором параграфе *«Агенты власти на местах: стратегии адаптации»* исследован опыт кадровых мобилизаций и взаимодействие уполномоченных с местными органами власти и населением. По оценкам Л.М. Кагановича, с 1928 г. до середины 1930 г. партийные органы направили для работы в деревне более 250 тыс. чел. По данным крайкома партии, в конце февраля и начале марта 1930 г. в сибирской деревне действовало более 10 тыс. городских работников, мобилизованных только на период хозполиткампаний в сибирскую деревню, приводили к управленческому хаосу и «гастролерству». Уполномоченные лавировали между невыполнимыми требованиями вышестоящего руководства и враждебным к ним крестьянским миром. Руководство допускало произвол, способствующий выполнению директивных указаний, однако в случае провалов жертвовало низовыми исполнителями как расходным ресурсом.

Директива о «борьбе с перегибами» (середина марта) привела к судебным репрессиям против самих функционеров: по неполным данным, в апреле 1930 г. в Сибири были осуждены 1 056 человек, распущено 14 райкомов, снято 8 секретарей райкомов, на 1 147 человек наложены партийные взыскания, 330 – исключены из партии. Из завершенных к 21 апреля 328 дел 45 % осужденных составляли работники сельсоветов, 18 % – райисполкомов, остальные – колхозное руководство, сельские активисты и проч. 11 человек приговорены к расстрелу. Соотношение репрессированных показывает ритуализированный характер кампании: наказание управленцев использовалось для перенаправления крестьянского протеста и краткосрочного снижения напряженности в деревне даже ценой утраты легитимности.

В третьей главе **«Городской социум Сибири в условиях социально-политического кризиса 1929–1930 гг.»** осуществлен комплексный анализ демографического и социально-экономического состояния и динамики городского социума Сибири. Изучены стратегии адаптации социальных групп в условиях нарастающего давления власти на негосударственные хозяйственные уклады и дефицита продуктов и товаров широкого потребления.

В первом параграфе *«Динамика населения сибирского города во второй половине 1920-х гг.»* представлен демографический обзор городского населения. Показан рост численности горожан (в индустриальных городах с 1926 г. по 1930 г. в 2–3 раза), обеспеченный преимущественно механическим притоком населения из деревни. Социальная структура унифицировалась: росла численность служащих и рабочих (из крестьян – 40–60 % вновь принятых рабочих), доля экономически независимых от государства категорий горожан сокращалась. Население городов Сибири являлось преимущественно русским. Несмотря на молодой возраст горожан (более 65 % младше 29 лет) и рост грамотности, регион демонстрировал тревожные показатели: уровень смертности был выше, а ожидаемая продолжительность жизни – ниже средних по городам РСФСР и СССР. Наиболее тяжелые условия отмечались в новых рабочих поселках. Низкое качество жизни горожан и высокий уровень социальной напряженности были вызваны ужесточавшейся политикой социальной инженерии и чрезвычай-

ными мерами государства, которые наложились на неготовность городской инфраструктуры к столь резким изменениям.

Во втором параграфе *«Рабочие: условия труда и повседневности, поведенческие практики»* анализируется разрыв между идеологическим статусом рабочего класса и его реальным положением. Дефицит, нормированное снабжение, ускоренный рост цен стали частью повседневности. Индекс цен на сельхозпродукцию вырос в 1,5–2 раза. Острой проблемой оставался жилищный кризис: обеспеченность жилплощадью в среднем составляла 4,6 кв. м на чел. (57 % от нормы), а в городах Кузбасса – всего 2,5 кв. м, что оценивалось как «невозможные и опасные» условия. Ситуация усугублялась вспышками эпидемий инфекций.

Рост экстенсивности труда выразился в непрерывной рабочей неделе, повышении производственных планов, сужении функций профсоюзов и снижении уровня реальной заработной платы. Бюджет рабочей семьи демонстрировал экономическую незащищенность: на семью из 4–5 чел. около 80 % расходов уходило на питание, жилье и одежду, траты на лечение, гигиену и накопления были минимальными (1–2 %), 9 % бюджета поглощала уплата долгов. Недовольство редко перерастало в открытые протесты из-за страха репрессий и неустойчивой идентичности «новых» рабочих. Сформировался внешний конформизм: вынужденная лояльность при внутренней пассивности; активизм – ритуал имитации; политические предпочтения нивелировались зависимостью от государства.

В третьем параграфе *«Средние и переходные городские слои в кризисных условиях»* анализируются средние и переходные городские слои (предприниматели, служащие, специалисты, студенты, безработные, «бывшие»). Политика большевиков в отношении этих слоев сочетала практики подчинения и контроля. Предпринимательские слои Сибири к 1926 г. насчитывали 119 тыс. чел. (25,4 % самодельного городского населения), однако с конца 1920-х гг. государство развернуло кампанию по ликвидации частного капитала. К 1929 г. категория предпринимателей фактически исчезла. Служащие и специалисты переживали количественный рост, становясь проводниками государственной политики. Однако их ценность для власти сочеталась с подозрением в политической нелояльности. Инженерно-технические работники, несмотря на востребованность, подвергались подозрениям во «вредительстве» и репрессиям. Власть стимулировала конфликты между рабочими и специалистами, между «старыми» и «новыми» кадрами. Студенчество (около 7 тыс. вузовских и свыше 11 тыс. учащихся техникумов) оставалось социально неоднородной группой. Политика «пролетаризации» лишь частично изменила его состав. Студенты испытывали острый материально-бытовой кризис, подвергались «чисткам» и мобилизации со стороны властных структур. Безработица, объективно обусловленная колебаниями рынка труда, воспринималась властью как идеологически нежелательное явление. С 1928 г. регулирование занятости через биржи труда дополнилось политическими дискриминациями (отказ в работе «лишенцам»), что делало безработицу не только экономической, но и социально-политической проблемой.

Число «лишенцев» в Сибири выросло с 33 тыс. в 1925 г. до 218 тыс. в 1928 г. Лишение избирательных прав стало универсальным инструментом дискриминации. Категории «лишенцев» оказались на грани выживания, изолированы от социальных лифтов. В результате государство подчинило городское население, заменив горизонтальные связи вертикальной зависимостью от партийно-государственного аппарата. Механизм этатизации работал через дисциплинирование страхом, манипулирование конфликтами и стратификацию по принципу политической благонадежности, подавляя потенциал отстаивания своих интересов городскими слоями.

В четвертой главе «Сельский социум Сибири в условиях социально-политического кризиса 1929–1930 гг.» дан комплексный анализ демографической и социально-экономической динамики сибирской деревни. Исследуются стратегии адаптации и сопротивления крестьянства, процессы репрессивного и вынужденного самораскрестьянивания, трансформация социальной структуры деревни, а также форсированное переформатирование крестьянства из традиционной социально-экономической и культурной общности в новую страту зависимых от государства работников.

В первом параграфе *«Социально-демографическая характеристика сибирской деревни во второй половине 1920-х гг.»* исследуется облик сибирской деревни во второй половине 1920-х гг. Демографическая ситуация характеризовалась молодым возрастом населения (69 % населения младше 29 лет) и преобладанием русской этнической группы. Зафиксированы: низкий уровень грамотности, высокая смертность и низкая ожидаемая продолжительность жизни по сравнению со средними показателями по сельским местностям СССР и РСФСР. Эти тенденции вскоре усугубятся массовым голодом начала 1930-х гг.

Базовой экономической единицей деревни оставалось индивидуальное крестьянское хозяйство, в основе которого лежала традиционная крестьянская семья. Несмотря на усиление административного и налогового давления, деревня сопротивлялась коллективизации и невыгодным государственным хлебозаготовкам. Лишение деревни экономической автаркии имело не только экономическое, но и политическое значение, так как уничтожало автономию крестьянского хозяйства. Большевики целенаправленно разрушали традиционную структуру сельского социума: в составе сельсоветов расширялась социальная база большевиков, институт «лишенчества» стал инструментом социальной эксклюзии, политической и экономической дискриминации, способом разрушения семейных связей. Политика форсированного раскрестьянивания преследовала цели ликвидации экономической самостоятельности, ее утрату через конфискацию и перераспределение имущества зажиточного и частично среднего слоев в пользу колхозов и бедняков. Власть сознательно обостряла конфликты для разрушения традиционных институтов деревни.

Во втором параграфе *«Повседневность и стратегии выживания сибирского крестьянства в условиях “Великого перелома”»* исследуются реакции крестьянства на давление государства – практики приспособления и сопротивления: сокрытие зерна и продовольственных запасов, массовый забой скота,

сокращение посевных площадей, бегство. Власть отвечала репрессивными мерами судебного и внесудебного характера, в том числе введением уголовной ответственности за убой личного скота. Это вело к трансформации крестьянской идентичности: лишаясь земли и скота, крестьянин терял свою социальную сущность, совершал «социальный суицид». Широкое распространение получили практики пассивного анонимного протеста: письма «во власть», листовки, слухи и фольклор, где звучали мотивы отчаяния, сравнения коллективизации с крепостным правом, поиска утопической «справедливой власти».

Доминирующей стратегией выживания стал вынужденный конформизм. Большевики использовали внутренние противоречия деревни, поощряли активизм лояльных групп, монополизировали социальные лифты. Сочетание пассивного конформизма большинства и конъюнктурного активизма меньшинства усиливало позиции режима. Радикальная этатизация сельского социума формировала опору власти внутри последнего, принудительно трансформируя существовавшую социальную структуру деревни с целью утверждения новой колхозной идентичности и новой системы отношений между партийным государством и деревней.

Третий параграф *«Формы и динамика открытого протеста в сибирской деревне в условиях “Великого перелома”»* посвящен стихийным и организованным коллективным акциям протеста. С началом наиболее одиозных кампаний данного этапа раскрестьянивания сопротивление перешло от пассивных форм к открытому протесту, пик которого пришелся на весну 1930 г. Характерной их чертой стал «бабьи бунты»: женщины, используя свой статус «аполитичных баб», становились главными акторами массовых волнений. Они организовывали «волынки», применяли физическое насилие к активистам, срывали хлебозаготовки и обобществление имущества, препятствовали закрытию церквей, высылкам репрессированных семей. Эта стратегия на некоторое время служила эффективным средством защиты интересов общины. В ряде случаев протест приводил к временному безвластию в деревне, на что власть отвечала жестокими и несоизмеримыми репрессиями, демонстрируя растерянность перед открытым массовым протестом.

Крестьянский протест был обречен, несмотря на высокий уровень воспринимаемой несправедливости и сильную социальную идентичность крестьян. Их готовность к действию наталкивалась на низкую эффективность и доминирование в государственной крестьянской политике механизмов принуждения. Обоюдное и усиливающееся насилие становилось ключевым стержнем взаимодействия между институтами власти и сельским социумом в условиях радикальной этатизации. Через принудительную коллективизацию, репрессии и бегство из деревни экономически и социально активной части крестьянства была ликвидирована базовая единица крестьянского мира – самостоятельное семейное хозяйство. Основная масса крестьян превратилась в зависимых от государства колхозников, лишенных прав на продукт труда, свободу передвижения и прежние ценностные ориентиры.

В **заключении** подводятся итоги исследования форсированного огосударствления в Сибирском крае на рубеже 1920–1930-х гг. Этот период стал кульминацией насильственной трансформации общества, когда противоречия между властными проектами и реальностью (включая сопротивление традиционных структур) достигли пика. Такой фокус позволяет проанализировать логику кризиса, ошибки управления и адаптационно-протестные практики населения.

Ключевым понятием, раскрывающим суть и масштаб изменений, выступает радикальная этатизация – стремление к огосударствлению всех сфер жизни социума. Этот процесс был органичным элементом общей логики перестраивания в жестко централизованную систему, где партийное государство являлось единственным источником власти, собственности, информации. Радикальное огосударствление означало подчинение общества интересам власти, редукцию его субъектности и превращение в преимущественно пассивный объект провозглашаемых преобразований и ресурс для укрепления власти.

Ключевым инструментом реализации этатизации выступал политический радикализм. Он являлся универсальным способом трансформации раннесоветской социальной системы в условиях кризиса во взаимоотношениях институтов власти с базовыми социальными общностями. Радикальные действия власти порождали ответную социальную напряженность и радикализацию действий «снизу», что вызывало новое, еще большее насилие «сверху». Государственное насилие являлось не «перегибом исполнителей», а сущностной чертой выбранного метода осуществлявшихся в стране преобразований.

В системе сформировавшихся новых центр-региональных отношений Сибирь рассматривалась в качестве одной из ключевых ресурсных баз для индустриальных и аграрных преобразований. Региональные агенты власти одновременно выступали исполнителями директив центра и объектами санкций за провалы политики. В большевистской системе власти центр перенаправлял последствия неизбежно возникавших собственных противоречий и просчетов на региональных и местных исполнителей. В этой управленческой иерархии обратная связь проявлялась в том, что региональное руководство стремилось выполнять директивы в мобилизационном режиме. Проверки исполнения, осуществлявшиеся центральными «эмиссарами» (приезды в регион Л.М. Кагановича и Н.В. Крыленко), неизбежно влекли за собой кадровые «чистки» вплоть до уголовных репрессий в отношении низовой номенклатуры. Слабые позиции исполнительной власти в сибирской деревне компенсировались региональным руководством применением мобилизационных кадровых ресурсов и репрессивных технологий, особая роль в которых отводилась органам ОГПУ. Поощрение достижений, как правило, чрезвычайных целей и чрезвычайными средствами толкало функционеров к девиантному поведению. Массовый и жестокий произвол агентов власти на местах являлся не эксцессом исполнителей, а выражением эксцессивной природы и практики политического радикализма верхов.

Процесс огосударствления городского и сельского социумов в регионе имел разные формы и сроки своего осуществления. В городах он реализовыв-

вался посредством более «мягких» практик через поэтапную монополизацию экономики, идеологическую обработку массового сознания, дисциплинирование возможными наказаниями, манипулирование социальной напряженностью и конфликтами. Рабочие, провозглашенные общественным авангардом, на деле подверглись двойному отчуждению – экономическому и политическому. Протестный потенциал других городских слоев был предотвращен длительным дисциплинированием: опасностью дискриминаций и репрессий, контролем над их настроениями и поведением, а также ликвидацией одних и реорганизацией других негосударственных хозяйственных укладов.

В деревне политика форсированного огосударствления проводилась методами прямого физического насилия и разрушения базовых социальных единиц – самостоятельных семейных хозяйств. Радикальная этатизация жизнедеятельности крестьянского социума вызвала у значительной части последнего ответную протестную антиправительственную радикализацию в поведении и действиях, носившую волнообразный и неустойчивый характер и не имевшую позитивного целеполагания и исхода. Сибирский регион в конце 1929 г. и затем в 1930 г. входил в число наиболее охваченных различными формами крестьянского сопротивления крупным административным образованиям страны. Прямым следствием проводившейся политики огосударствления аграрного сектора сибирской экономики стало ускоренное раскрестьянивание, принявшее различные, включая и экстремальные, формы и направленность: в частности, основная масса крестьян превратилась не в наемных работников, а в зависимых от государства колхозников с полумаргинальным социальным статусом; более шестидесяти тысяч крестьянских семей региона в 1930–1931 гг. подверглись депортациям в спецпоселения, а главы их семей в большинстве своем прямым репрессиям.

Таким образом, начавшееся на рубеже 1920–1930-х гг. форсированное огосударствление являлось целенаправленным проектом, реализованным посредством политического радикализма. Радикализм как способ преобразования системы соответствовал фазе становления сталинской системы власти с присущими ей характеристиками (социальная мобилизация, охранительность, индоктринация, монополия на информационное пространство). Однако реализация этатистского проекта посредством политического радикализма привела не только к краткосрочным результатам, но и долговременным последствиям – к глубочайшей трансформации социальной структуры раннесоветского общества, демографическим потрясениям, формированию типа зависимого от государства индивида, драматическим перекосам в структуре национального хозяйства страны, ухудшению условий жизни населения. В стране утвердился режим личной власти, основанный на слиянии партийного и государственного аппарата, монополии на собственность и информацию, опирающийся на перманентные кадровые мобилизации и инструменты социальной инженерии, осуществляемые различными методами, включая и опыт политического радикализма.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

1. *Игнатьева Е.А., Шматов М.Ю.* Образы социально-политических преобразований в СССР в зарубежной эмигрантской прессе (1929 – конец 1930-х гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 103–122 (1/0,5 п.л.).
2. *Игнатьева Е.А.* Институт уполномоченных в сибирской деревне периода «Великого перелома»: роль, функции, значение // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 17–26. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-02.pdf> (1 п.л.).
3. *Игнатьева Е.А.* Деятельность в мобилизационном режиме: агенты власти в сибирской деревне в 1929–1930-х годах // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 105–115. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-08.pdf> (1,05 п.л.).
4. *Игнатьева Е.А.* Перевыборы Советов в 1928/1929 годах в оценке партийными органами Сибири // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 92–118. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-06.pdf> (2,35 п.л.).
5. *Игнатьева Е.А.* Сталинская «революция сверху» или радикальная этатизация раннесоветского сельского социума? К переосмыслению подходов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 144–155. DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-1-144-155 (1,11 п.л.).

Статьи в прочих научных изданиях

1. *Игнатьева Е.А.* «Свои и чужие»: власть о поведении молодежи в Сибири (август 1929 – март 1930 гг.) // Российская молодежь: от комсомола к современным формам политической организации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Новосибирск, 30–31 октября 2018 г.). Новосибирск, 2018. С. 141–150.
2. *Игнатьева Е.А.* Язык как выражение низового социального протеста в Сибири в первой половине 1930 г. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. Редколлегия: Т.И. Морозова, И.С. Чернова [и др.]. Новосибирск, 2019. С. 116–125.
3. *Игнатьева Е.А., Красильников С.А.* «Бабы бунты» как социальное протестное действие в Сибири (первая половина 1930 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. ст. всерос. науч. конф. / под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. 2019. С. 110–116. 0,3/0,15 п. л.

4. *Игнатьева Е.А.* Начальный период работы двадцатипяти тысячников в Сибири в оценке регионального Полпредства ОГПУ (февраль – апрель 1930 г.) // Сибирский архив. 2020. № 2 (4). С. 10–46.

5. *Игнатьева Е.А.* Образ власти в период «социалистических преобразований» в «низовом» нарративе (по материалам Сибири) // Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр. В 9-ти частях / под ред. А.В. Гадюкиной. Новосибирск, 2020. С. 23–27.

6. *Игнатьева Е.А.* Молодежь Сибири как мобилизационный ресурс региональной власти в период «великого перелома»: аспекты исследования // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред.: В.А. Верemenко, В.Н. Шайдуров. СПб., 2020. С. 58–63.

7. *Игнатьева Е.А.* Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // МНСК-2020: История: мат-лы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 2020. С. 125–126.

8. *Игнатьева Е.А.* Между доктриной и реальностью: ленинградские рабочие двадцатипяти тысячники в сибирской деревне (первая половина 1930 г.) // Историко-архивное наследие Сибири в системе внутрироссийских и международных коммуникаций: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., приуроч. к 100-летию Сибархива (Новосибирск, 3–4 марта 2020 г.). Новосибирск, 2020. С. 193–198.

9. *Игнатьева Е.А.* Трансформация деятельности полпредства ОГПУ по Сибири в первой половине 1930 гг. // Серовские чтения: взгляд молодых: мат-лы Всерос. науч. студ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019 гг.) / отв. ред.: М.В. Кричевцев, М.С. Саламатова, Ю.И. Узебова. Новосибирск, 2021. С. 182–190.

Игнатьева Е.А. Протестный потенциал населения в условиях насильственной этатизации сибирской деревни (вторая половина 1929 – 1930 г.) // От Енисейской губернии к Енисейской Сибири: два века, одна история: мат-лы VIII Сибирского исторического форума (Красноярск, 21–23 сентября 2021 г.). / отв. ред. А.П. Дементьев. Красноярск, 2021. С. 191–195.

Игнатьева Е.А. Женский протест в Сибири в первой половине 1930 г. как феномен радикального ответа политике насильственной этатизации деревни // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, ч. 2. С. 457–475. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-457-475.